

Карл Краус (1874–1936) – австрийский писатель, одна из центральных фигур интеллектуальной Вены первой трети XX века. Оказал значительное влияние на творчество В. Бенямина, Э. Канетти и других философски ориентированных литераторов.

Корпус текстов австрийского литератора Карла Крауса (1874–1936) обширен – публицистические статьи и речи, литературно-критические статьи и заметки, исследования по социологии и религии, философская лирика, пьесы, афоризмы и эпиграммы, иронические глоссы, стихотворные и прозаические сатиры, пародии, переводы и обработки произведений Шекспира и Аристофана. Кроме того, с 1899 по 1936 год Краус опубликовал 922 номера журнала “Факел”, являясь с 1911 года и до своей смерти его единственным автором. Краус, wie er ist, – в образности *злободневной* мысли, виртуозно исполняемой на *венном* языке.

Современник Крауса Элиас Канетти так оценивает его творчество: “Все архитектурные ухищрения, которыми так богаты писатели, у Карла Крауса исчерпываются в одной фразе. Именно фразе посвящена его забота: она неприкосновенна, ни одного пробела, ни одной трещины, ни одной неверной запятой – фраза за фразой, вещь за вещью складываются в китайскую стену. Она везде сложена одинаково тщательно, характер ее всюду ясен, но что она ограждает никому неизвестно. За этой стеной нет царства, царство – это она сама... Она – все что угодно, циклоническая самоцель, странствующая по свету... Быть может, ей кажется – ведь она живая, – что все, кроме нее, разрушено... уцелел один-единственный одинокий стражник. Этот одинокий стражник в то же время – ее одинокий строитель, продолжающий строить. В какую бы сторону ни посмотрел, он чувствует необходимость построить еще кусок стены. В его распоряжении оказываются для этого самые различные материалы. Можно годами гулять по этой стене, и она так не кончится”.

Литература:

Werke, Bd (1–62), München, 1955–1980 (издание продолжается).

Kommentare zu Karl Kraus, Berlin, 1972.

Wagner, N. Geist und Geschlecht: Karl Kraus und die Erotik der Wiener Moderne. Frankfurt a. M., 1982.

Tropp, M. “Schweigen, Wort und Tat”. Zur Methode der Sprachkritik bei Karl Kraus // Die Fremdheit der Sprache. Hamburg, 1988.

Zohn, H. Karl Kraus. Frankfurt a. M., 1990.

Kunne, A. Karl Kraus und die Apokalypse // Sprachkunst. Wien, 1994.

Карл Краус

ДРУГАЯ ПОЛОВИНА ИСТИНЫ **Афоризмы и размышления**

Библиофил имеет приблизительно такое же отношение к литературе, какое имеет собиратель марок к географии.

Искусство для обывателя – это средство, которым он скрывает свою мучительную повседневность. Он хватается за орнаменты, как собака за колбасу.

Гуманность, образование и свобода – драгоценное богатство, слишком дешево приобретенное кровью, умом и достоинством.

Парламентаризм – козыряние политическим протипустией.

Отсутствие мыслей и возможность его тиражировать – не это ли делает журналистом?

Фраза – крахмальный воротничок нормального образа мыслей, который никогда не меняется.

Что живет сюжетом, умирает в сюжете. Что живет в языке, живет языком.

Язык – магический жезл, который находит истоки мысли.

Гуманность – болтаившая девка, полощущая свое белье в слезах человеческих.

Зависть – отказ слепых признать не то, что я имею глаза, а то, что я осмеливаюсь говорить об увиденном.

Что рискованно в слове, то радостно в мысли.

Правда подобна нерадивому слуге, бьющему посуду при перемене блюд.

Если опечатка оставляет смысл предложения неизменным, значит в предложении его нет.

Власть – это тот гражданин государства, о котором другим доподлинно известно одно: они не имеют права оскорбить его.

Кажущееся (Schein) больше бытия (Sein) буквально.

Сноб ненадежен. Произведение, которое он хвалит, может быть и хорошим.

По мере исполнения желания лечить психоаналитик карает пациента за грехи отца вплоть до третьего поколения.

Иметь талант и быть талантливым: это всегда путают.

Зачем одному художнику понимать другого? Отдает ли должное Везувий Этне? В лучшем случае – это попытка уподобиться барышне-ревнивице: кто извергает лучше.

Искусство настолько своенравно, что оно позволяет себе не пользоваться возможностью работать локтями и пускать в ход кулаки для доказательства своих способностей.

Художник имеет право дарить и обязанность – быть тщеславным.

Если ты пользуешься языком, чтобы заявить, что министры негодны, это еще не делает тебя литератором.

Всех писателей необходимо читать дважды, хороших и плохих. Одних – чтобы чтить, других – чтобы разоблачать.

Хороший стилист в работе должен ощущать радость Нарцисса. Ему необходимо обладать способностью так отстранить свое произведение, чтобы поймать самого себя на чувстве зависти и лишь благодаря воспоминанию прийти к пониманию того, что творцом является он сам. Короче, он должен хранить ту высочайшую степень объективности, кото-

рую мир зовет тщеславием, самоналюбленностью, щегольством.

Афоризмы нельзя диктовать машинистке. Это длилось бы слишком долго.

Только язык, пораженный раком, склонен к неологизмам.

Лихтенберг роет глубже, нежели кто-либо иной, но он не возвращает-ся наверх. Он говорит из-под земли. Лишь тот, кто сам глубоко ко-пает, слышит его.

Логика является противницей искусства. Но искусство не обязано про-тивиться логике. Логика должна однажды прийти к вкусу искусст-ву, быть полностью усвоенной им. Утверждающему, что дважды два пять, следует знать, что дважды два четыре. Однако тому, кто знает только это, стоит сказать – последнее неверно.

Многие оберегают свою раннюю зрелость до глубокой старости.

Художником является тот, кто из совершенно привычного может сле-датель загадку.

Мировая скорбь – это подагра духа, дающая, однако, точные сведения о наступлении плохой погоды.

Я говорю от своего имени и вижу положение дел. Они говорят об об-стоятельствах и видят себя.

Войны и бухгалтерские книги ведутся Богом непосредственно.

Когда культура чует, что конец ее близок, она допускает к себе священ-ника.

Мой язык – блудница вавилонская, которой именно я возвращаю дев-ственность.

Искусство есть то, что становится миром, миром не являясь.

Язык поэта, любовь женщины ... – то, что всегда происходит впервые.

Солнце имеет миро-воззрение. Земля вертится. Противоречия художни-ка суть противоречия наблюдателя, который никогда не переживал одновременно Дня и Ночи.

Язык ребенка – намек на то, что мир действительно есть.

Вся жизнь в государстве и обществе покоится на безмолвном согласи-и с тем, что человек не думает. Голове, которая никогда не пуста, невы-носимо тяжело в мире.

Ценность образования приоткрывается определённое всего тогда, ког-да перед получающими его встает проблема, находящаяся вне вотчины образования.

Образование – это то, что получает большинство, передают многие и имеет меньшинство.

Гениальная способность женщины забывать является чем-то отличным от таланта дамы уметь не помнить.

Природа наградила женщину источником чувственности, над которым носится дух мужчины, взывающий к обновлению.

У женщины, по крайней мере, есть наряды. Чем же мужчины прикрыва-ют свою пустоту?

Не принимая в расчет силы тяжести, талант парит над миром, тем са-мым преподнося обывателю сладкую пищу ненависти к гению.

Присутствует ли женщина в комнате прежде, чем кто-либо войдет и увидит ее? Есть ли женщина-в-себе?

Нет ничего более бездонного, нежели поверхностность женщины.

Сущность женщины постигается скоро. Но приближаются-то к повер-хности!

Мужская осведомленность в делах любви является глупым предрассу-дом, благодаря которому ничего не приобретают, но который придает силу природе женщины. Поэтому необходимо дать возможность каждой женщине посвятить мужчине в тайны пола и поколений.

Хорошенькая женщина обладает ко всему прочему таким рассудком, что все говоримое обращено к ней – с ней же говорить едва ли возможно.

Косметика – это космология женщины.

Когда на сцене мира не ладится, вступает оркестр.

Есть два рода писателей. Те, кто есть, и те, кого нет. У первых содер-жание и форма принадлежат друг другу как душа и тело, у вторых содержание и форма подходят друг другу, словно тело и одежда.

Где же взять уйму времени не читать так много!

В Берлине ходит так много людей, что невозможно с кем-либо повстре-чаться. В Вене встречаются с таким обилием людей, что практически не ходят.

Есть лишь одна возможность спасти себя от машины. Это – использо-вать ее. Только с приобретением автомобиля обретает себя.

Во мне бунтует сам язык. Носитель возмутительнейшего смысла жизни, он восстает против самого себя. Он глумится над самим собой, визжит и содрогается от отвращения. Жизнь и язык ссорятся друг с другом до тех пор, пока от обоих не останутся одни лохмотья, и завершением их ссоры является нечто непроговариваемое – подлинный стиль этого вре-мени.

Дети играют в солдат. Это осмысленно. Но зачем солдаты играют в детей?

Раннее образование – хорошо оснащенная аптека; и тем не менее, нет никакой уверенности в том, что от насморка не подадут цианисто-го калия.

Всезная подчас устаёт от того многого, чего он снова не смог обду-мать.

Личное общение с поэтами не всегда желательно. Прежде всего потому, что непереносимы непрестанно падающие сомнамбулы.

Тот, у кого есть мнение о себе, не позволит поймать себя на противоречии. Тот, у кого есть мысль, мыслит противоречиями.

Что легко вошло в одно ухо — легко вылетает из другого. Что вошло с трудом — с трудом и выходит. К письму это относится в большей мере, нежели к музыке.

Афоризму нет нужды быть истинным: он должен опережать истину. Его обязанность — быть на одно предложение впереди.

Мы говорим “любимая” и больше уже не видим той высоты пафоса, откуда это слово падает в низины иронии, расположенные значительно ниже уровня презренной жизни неувлеченного. Дух языка жаждет этого — “любимая” (Geliebte) становится одновременно и “падшей” (Gefallene). Но даже если бы любимая женщина звалась “вознесенной”, то это именование все равно было бы взято нашей культурой в кавычки и сарказма.

Верность собаки несомненна. Но должны ли мы брать с нее пример? Ведь она верна человеку, а не собаке.

Под благодарностью обычно понимается готовность до конца жизни посыпать дустом того, кто обзавелся швами лишь однажды.

Как независим глупец в отношениях со временем! Он с удовольствием проводит его или даже убивает. И оно позволяет ему проделявать это над собой: еще никто не слышал, чтобы время провело глупца или убило его.

Кровь и имущество — Родине! А нервы?!

Разговоры в парикмахерской являются неопровержимым свидетельством того, что голова там может находиться лишь при наличии волос.

“Сигарету, — говорит альтруист, — сигарету, мой дорогой, я Вам дать не могу. Но если Вам когда-нибудь понадобится огонь, приходите ко мне — мой всегда пользует”.

Я так часто оказывался в ситуации, когда тот, кто разделял мое мнение, брал себе большую его часть, что теперь я стал опытен и предлагаю людям только мысли.

Одной из наиболее распространенных болезней является диагноз.

Я знаю одного человека, начисто лишённого юмора и всегда возбужденного. Он варит без воды: уже воняет подгорающей эмалью.

Предубеждение — это верный домашний слуга, показывающий на дверь любому надоедливому впечатлению. Главное — не позволяйте ему вышвырнуть хозяина.

Мысль не подлежит оброку. Но есть ведь еще и болтовня.

Авторам сейчас советуют обзавестись переживаниями. Тяжелый случай. Если они нуждаются в переживаниях для того, чтобы быть способны-

ми к творчеству, то им ничего не создать. Если же они не творят, чтобы переживать, то они, соответственно, не смогут переживать. Но другие — художники — делают одновременно и первое, и второе. Им нет нужды ни в советах, ни в помощи.

Мои выступления — не театрализованная литература. Но мое писательство является лицедейством.

Собака сперва обнюхивает, а затем уже поднимает ногу. Подобной незатейливости действительно нечего противопоставить. Но то, что литератор сперва читает, а затем пишет, поистине безугодно.

Для получения нравоучительного эффекта писатель должен больше жить, чем читать. Для развлечения писатель должен больше писать, чем читать. Тогда могут появиться книги равно поучительные и развлекательные для публики.

Вероятно, писать роман — чистое удовольствие. Не без осложнений переживаешь любовный роман. Но чтения романа — этого, насколько мне удается, я избегаю.

Почему большинство пишет? Не хватает характера не писать.

Когда читатель спрашивает автора, что он имеет в виду, то это не свидетельствует об отсутствии мыслей. Но гораздо привлекательнее, когда автор не знает, что ответить, и спрашивает читателя, что он сам имеет в виду.

Меня преследует кошмар: энциклопедия избивает энциклопедиста.

Бес — оптимист, потому что верит в возможность сделать людей хуже.

Афоризм никогда не совпадает с истиной: он или половина истины, или другая ее половина.

Мастер афоризма не обязан выдавливать из себя статью.

Я владею только языком других. Мой собственный делает со мной все, что пожелает. Я такой же совладелец языка, как и другие. Мой собственный — мой властитель.

Всякие политические идеи переходят либо из небольших голов в маленькие сердца, либо из небольших сердец в маленькие головы.

Нужда делает неромантическим, но дает еще один шанс признать реальность.

Ревность — собачье тьяканье, прельщающее воров.

Свобода — грубейший политический блеф.

Фиговый лист язычника — это способ именно нравственного возмущения.

Кто говорит о себе сам, потому что о нем не говорят другие, тот ленив.

Истинные причины национализма: не столько зависть к чужому калачному ряду, сколько удивительное любование собственным свиным рылом.

Искусство — это уловление оком идеи Мира. Сколь же вместительна зеница гения!

Поэт, который любит читать собственные стихи, подобен шеф-повару фешенебельного ресторана, в нем же и столующемуся.

Кто не контролирует язык — не контролирует ничего.

В литературе есть два различных сходства: когда признается, что один автор родствен другому, и когда открывают, что он только знаком ему.

Оригинал, подражание которому лучше его, плох.

Фантазия имеет право свести лес к наслаждению в тени лесных деревьев.

Перевод А. Давыдчик, А. Лаврухин по:
Kraus K. Anderthalb Wahrheiten. Aphorismen. Berlin, 1969.